

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2019-11-80-99

В.Г. ФЕДОТОВА

КУЛЬТУР-ЦЕНТРИЗМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ

***Аннотация:** Статья написана по докладу «Культур-центризм и процессуальность», сделанному в декабре 2018 года на общеполитическом методологическом семинаре. В статье рассматриваются философские проблемы, связанные с соотношением культур-центризма, натурализма и процессуальности. Показаны философские предпосылки исследовательских программ общественнознания, а также соотношение натурализма и культур-центризма. Отмечено, что исследовательская программа не тождественна тому или другому философскому направлению.*

Раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу и изучающие ее науки. Это позволяет предположить, что генетически первой исследовательской программой общественнознания Нового времени была натуралистическая программа. Одновременно рассматривается культур-центристская программа общественнознания, неразрывно связанная с рефлексией культуры. Автор обращается к концепции культурных поворотов как новой методологии культур-центристской программы. Также рассматривается концепция китайских мегатрендов супругов Дж. и Д. Нейсбит как вариант культур-центристской исследовательской программы.

***Abstract:** The article is based on the report «Culture-centrism and processuality» made in December 2018 at the Institute of Philosophy RAS' methodological seminar. The article discusses philosophical problems associated with the correlation of culture-centrism, naturalism and processuality. The author reveals philosophical prerequisites of research programs of the social science, as well as the relationship of naturalism and culture-centrism. The early bourgeois and classical philosophy were oriented towards nature and the sciences that studied it. This suggests that the genetically first modern social science research program was a naturalistic one. At the same time, a cultural-centrist social science program is inextricably linked*

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: val_fedotova@mail.ru.

---

with cultural reflection. The author refers to the concept of cultural turns as a new methodology of the cultural-centrist program. The concept of Chinese megatrends of the J. and D. Naysbitt is also considered as version of a cultural-centrist research program.

Ключевые слова: философские предпосылки обществознания, исследовательские программы, натурализм, культур-центризм, процессуальность культур-центризма и тенденции его превращение в общенаучную исследовательскую программу, культурные повороты, мегатренды.

Keywords: *philosophical prerequisites of the social science, research programs, naturalism, culture-centrism, processuality of culture-centrism and its tendency to turn into a general scientific research program, cultural turns, megatrends.*

Предисловие. Раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу и изучающие ее науки. Это позволяет предположить, что генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени была натуралистическая программа. Процессуальность культур-центризма и тенденция его превращения в общенаучную исследовательскую программу не воспринималась натурализмом.

В 1982 г., будучи кандидатом философских наук и уже пять лет работая в Институте философии, я опубликовала в сборнике ИФ РАН «Проблемы объяснения и понимания в научном познании» свою статью «Понимание в системе методологических средств современной науки»¹⁷². В этой статье я выделила две исследовательские программы — натурализм и культур-центризм, отличающиеся своей направленностью: натурализм имел черты объективности, интереса к природе, тогда как культур-центризм был направлен на анализ культуры как процесса и на рассмотрение культурных факторов. Эта работа должна была иметь продолжение, но я увлеклась другими сюжетами, издала три книги и некоторое время лишь эпизодически обращалась к применению предложенной мною методологии.

Сутью ее было выделение и применение (иногда одновременное) предложенных мной натуралистической и культур-центристской исследовательских программ. В то время в отечественной философской литературе набирали вес натуралистические, сциентистские подходы, воспринимаемые некоторыми специалистами как единственно научные. В этом виделся рост объективности. Однако я, имея инженерное и философское образование, предложила обратить внимание на две проти-

---

¹⁷² Федотова В.Г. Понимание в системе методологических средств современной науки // Проблемы объяснения и понимания в научном познании» свою статью. — М.: ИФ РАН, 1982. — С. 87-119.

воположно направленные и вместе с тем связанные между собой исследовательские программы, которые я назвала натуралистическими и культур-центристскими.

Сегодня я могла, возможно, назвать их натур-центризмом и культур-центризмом, чтобы подчеркнуть их основы, которые не избавляют от взаимодействия. Это представлено в выше указанных работах – статье 1982 г. и статье 2001 г.¹⁷³, где изложены мои идеи о двух исследовательских программах – натурализме и о культурцентризме в Новой философской энциклопедии¹⁷⁴. Сегодня многие употребляют термины «натурализм» и «культур-центризм» как самоочевидное знание, источники которого неизвестны. Однако в указанных выше статьях и Новой философской энциклопедии опубликованы именно мои тексты по проблемам натурализма и культур-центризма, хотя затем они были использованы многими исследователями и вошли в обиход, часто не сообщая имени их автора.

Философские предпосылки исследовательских программ общественно-натуралистической исследовательской программы. Натурализм в методологии социальных наук XX в. был связан с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональным подходом. В этих подходах признавалось *отличие предметов* физики, биологии и социальных наук, но провозглашена идея *единства методов* в построении теории любых процессов. Сам разум при этом рассматривался как природное свойство. Натуралистическая исследовательская программа, объективирующая процессы, долгое время занимала ведущее место, хотя такие выдающиеся российские философы как П.П. Гайденко, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошилова, В.М. Межуев, Е.А. Мамчур, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев и многие другие следовали другим подходам, отвечающим ориентации на социальные и культурные процессы, а не только на объективизм естествознания. Будучи философской программой развития науки, исследовательская программа не тождественна тому или иному философскому направлению. Не любое философское направление послужило базой развития научных теорий.

Отличительной чертой западной философии после Второй мировой войны оказалась продолжающаяся ломка тех довольно устойчивых ее

---

¹⁷³ Мои статьи в коллективной монографии сектора исторического материализма Института философии «Проблемы объяснения и понимания в научном познании» (М.: Академия наук СССР, Институт философии, 1982. – С. 87-118) и статьи в коллективной монографии 2001 года «Социальные знания и социальные изменения» / Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: Российская Академия наук, Институт философии, 2001. – С. 96-99, 186-198.

¹⁷⁴ Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – Т. II. – С. 352-353.

структур, которые сложились в XVII-XVIII вв.¹⁷⁵. Ряд философских теорий объединялись для формирования исследовательской программы, которая содержит в себе, по мнению П.П. Гайденко, характеристику предмета, метода исследования, общих предпосылок научной теории, способов перехода от философской системы к научным построениям¹⁷⁶.

Как показал В.М. Межуев, отношения природы и культуры исторически изменчиво: на начальных этапах капитализма человек является в определенной мере элементом природной среды, составляя с ней непосредственное единство, на более поздних ступенях развития — сама природа становится элементом человеческой среды, реализуется деятельностное единство человека с природой. «В культуре тем самым представлен всеобщий, специфический именно для человека характер его связи с природой, возвышающий его над особенностями чисто природного бытия и прямо совпадающий с его существованием как общественного субъекта деятельности»¹⁷⁷.

Раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу и изучающие ее науки. Это позволяет предположить, что генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени была *натуралистическая программа*, которая формировала идеалы и нормы научности по образцу естественных наук. Исторически первым таким образом была механика, определившая механицизм всего домарковского материализма и придававшая натуралистической программе исторически конкретный вид. Исследования общественной жизни в XVII-XVIII вв. еще не претерпели такого отделения от философии, как естественные науки, но и они восприняли механицизм. Он включал в себя поиски экономистами экономического механизма и историками — основного фактора истории.

Центральное положение механики в натуралистической исследовательской программе было обусловлено уровнем развития естествознания. Позже в XIX веке появляются классификации наук, в центр которых помещается география (Г. Бокль, Ф. Ратцель, И. Мечников и др.), демография (А. Кост, М.М. Ковалевский и др.), биология (Г. Спенсер и др.), в XX в. психология (Ж. Пиаже и др.), физика (О. Нейрат, Р. Карнап др.). Это перенесение центра тяжести натуралистической программы с одной науки на другую отражает степень зрелости естествознания, появление в нем все новых лидирующих дисциплин.

---

¹⁷⁵ Автономова Н.С. В поисках новой рациональности: опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопросы философии. — 1981. — № 3. — С. 143-156.

¹⁷⁶ Гайденко П.П. Эволюция понятия наука. — М., 1980. — С. 10-11.

¹⁷⁷ Межуев В.М. Культура и история. — М.: Политиздат, 1977. — С. 122.

На основе методов какой-либо из названных наук могли формироваться определенные школы в общественном знании, прежде всего, в социологии – географическая, демографическая, биологически-органицистская и т.д. Пределной формой развития натуралистической философской и социологической традиции XIX в. является экономический материализм, часто сводящий весь социально-культурный процесс к появлению первичного экономического фактора, действующего в качестве естественного. Натурализм в методологии социальных наук XX в. связан с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональным подходом.

Кризис *натуралистической программы* в конце XIX – середине XX вв. был связан с осознанием отличий природы от культуры, природных объектов от общественных. С развитием капитализма разрушались первоначальные природные зависимости людей и создавались все новые связи, определяемые совокупным общественным трудом.

Культур-центристская исследовательская программа. Открытие второй, по сравнению с природой, онтологической реальности – культуры – означало отказ от её понимания как деятельности, направленной на реализацию природной сущности человека. Культура была теперь понята как формирование человека и его общественных связей, как продукт истории и сама история, как самоосуществление человека, в ходе которого меняется его собственная природа.

Существующую ясность относительно различий философии XVII–XVIII и XIX, XX вв. внесли работы М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева¹⁷⁸. Как отмечал в своей книге 1977 г. «Культура и история»¹⁷⁹ В.М. Межуев, проводя эту линию так же и в новой книге¹⁸⁰, в других своих работах: на той ступени развития, когда отношение к природе предстает как общественное отношение, «всеобщее (универсальное) развитие, впервые и полагается объективное различие между природой и культурой».

Таким образом, культура как созданное человеком и создание самого человека выступает как всеобщее определение, которое, однако, предстает в конкретно-исторических формах. Первоначальная природная зависимость сменяется открытием социальных связей, произведенных совокупным общественным трудом, т.е. отношениями людей, создаваемых не природным способом, а исторически созданными условиями труда и ак-

---

¹⁷⁸ Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазного сознания // Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – 424 с.

¹⁷⁹ Межуев В.М. Культура и история. – М.: Политиздат, 1977. – С. 122.

¹⁸⁰ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М., Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

тивностью общественного субъекта. В культур-центристской программе этот позже, чем природа, открытый объект становится логически первым.

Культур-центристская исследовательская программа не столь явным образом, как натуралистическая, опирается на частные науки, ибо общественные науки, на которые она могла бы опереться, сами в существенной мере формируются той или иной исследовательской программой. И все же можно фиксировать присущую культур-центризму ориентацию на антропологию, историческую науку, искусство и науки об искусстве, культурологию, психологию и пр., ибо в гораздо большей мере развитие этих наук осуществлялось под влиянием культур-центристских ориентаций.

Открытие культуры как особой реальности не разрывает связей человека с природой. Это — одна из причин, согласно которой культур-центристская исследовательская программа не упраздняет натуралистическую программу, как это нередко представляется некоторым исследователям. Природа остается в качестве предпосылки деятельности человека, но культур-центризмом не схватывается, оставляя место натурализму. Я хотела бы подчеркнуть это обстоятельство, считая необходимым показать взаимодействие двух обозначенных исследовательских программ, несмотря на сегодняшний интерес к культур-центризму и частому восприятию его чуть ли ни как единственной ныне исследовательской программы.

Процессуальность культур-центризма и тенденция его превращения в общенаучную исследовательскую программу. Процессуальность как свойство культуры сегодня многими исследователями воспринимается как примета времени. Например, С.С. Неретина и А.П. Огурцов в своей книге «Онтология процесса» пишут: «сама возможность вещи переходить из статуса действия в статус субстанциональности свидетельствует о том, *что вещь есть совокупность процессов*», «если раньше требовалось реабилитировать вещь, то теперь возникла необходимость раскрыть ее смысл, он именно в процессуальности»¹⁸¹. Как показывают эти авторы, «процесс оказался оселком философских размышлений, которые находят свое выражение и в естествознании — от теории эволюции до инфляционной космологии и теории относительности, и в исторической науке — от анализа социально-политических и экономических изменений до уяснения образов времени как специфических точек зрения на историю»¹⁸². Как отмечают С.С. Неретина и А.П. Огурцов в книге «Онтология процесса» в XVII-XVIII вв. особо интересуют механические процессы, начиная с романтиков, возникает

---

¹⁸¹ Неретина С., Огурцов А. Онтология процесса: процесс и время. — Монография. — М.: Голос, 2014. — С. 3.

¹⁸² Там же. — С. 4.

внимание к анализу изменений внутри системы. XIX в. проявляет интерес к любым формам предметности как пространственным или временным формам воплощения абсолютного духа (его отчуждения в природу — пространственные и в историю — временные). Как показывают Неретина и Огурцов, XX век — система актуальных событий¹⁸³. Теория относительности, утверждение позиций наблюдателя. Приоритет движению, изменению самой вещи. Время как мерило процесса. «...Многообразие процессов определяет многообразие времени и форм его переживания и осмысления»¹⁸⁴. Они же пишут, что «философия XX в. радикально трансформировала трактовку процессов: вся реальность, понятая после общей теории относительности как пространственно-временной континуум, стала процессуальной, а сам процесс был понят как непрерывная серия уникальных событий»¹⁸⁵. Однако мне кажется, здесь я сошлюсь на Ю.М. Резника и А.В. Смирнова, что наша логика онтологизирует субстанции, а не процессы¹⁸⁶.

На мой взгляд, реальность и вещь стали процессуальными в культурцентристской исследовательской программе. В натуралистической они могут выступить как объект или предмет, объективность которого задается объективностью их существования в натуралистической исследовательской программе. Ниже мы рассмотрим это на примере такой дисциплины, как современная социальная антропология и этнология.

Необходимость перехода к процессуальным теориям была осознана частично в XX и большей частью в XXI в. Это затронуло целые дисциплины, которые изменили свой исследовательский стиль. Философия сыграла важную методологическую роль в выработке исследовательских программ социального знания, например, самого трудного для нее — экономического, во всем многообразии его направлений и концепций. Но, прежде всего, складывались философские программы, имеющие отношение ко всей системе наук об обществе. Они содержат в себе характеристику предмета и метода исследования, предпосылок теоретического анализа и возможностей перехода от общефилософских подходов к анализу методологии конкретных научных дисциплин.

Понятие исследовательской программы является философским по своему статусу, одновременно неся в себе понимание как общих методологических принципов наук об обществе, так и возможность применения

---

¹⁸³ Там же. — С. 4-5.

¹⁸⁴ Там же. — С. 9.

¹⁸⁵ Там же. — С. 9.

¹⁸⁶ Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия иного и инаковости // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Т. XX. — Вып. 3-4 (99-100). — С. 271.

к отдельным дисциплинам, в данном случае, к социальной антропологии и этнологии, хотя здесь новые принципы оказались освоенными позже, чем в социологии, экономической науке, географии и пр. Эти исследовательские программы были рассмотрены мной как в общем виде, так и на материале экономического знания. В общем виде речь шла об анализе двух базовых как общенаучных, так и специально-научных программ, способных быть примененными как к социально-гуманитарным наукам в целом, так и, например, к экономическому знанию — о *натуралистической и культур-центристской исследовательских программах*. Генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени была *натуралистическая программа*, формирующая идеал и нормы научного познания социальных явлений по образцу естественных наук — используя *метод объяснения*.

Исторически первым таким образцом была, как я уже отметила, механика, определившая механистический характер материализма и придававшая ему конкретный вид. Исследования общественной жизни в XVII-XVIII вв. еще не претерпели отделения от философии, но и в ее рамках восприняли механицизм. В дальнейшем это направление стало связанным с развитием всех разновидностей позитивизма, со структурно-функциональными подходами, использующими метод объяснения. Натуралистическая программа применима и поныне, и не исключены определенные задачи исследования, в которых она успешна как в обществознании, так и в естествознании, и в других науках. Однако приоритет культур-центристской программы, опирающейся на изменения культуры, сегодня бесспорен.

Дальнейшее развитие методологии социального познания шло преимущественно по линии формирования культур-центристской исследовательской программы, в которой культура получила определяющее значение. На той ступени развития, когда отношение к природе предстает как общественное отношение, сама природа становится элементом человеческого отношения: «... культуре тем самым представлен *всеобщий специфический именно для человека характер его связи с природой*, возвышающий его над особенностям чисто природного бытия и прямо совпадающий с его существованием как общественного субъекта деятельности»¹⁸⁷. В *культур-центристской исследовательской программе* открытый объект — культура — становится логически первым, обеспечивающим видение процессуального характера различных систем и способов рассмотрения. Главная идея этой программы — это отличная от природы самостоятельная

---

¹⁸⁷ Межуев В.М. Культура и история. — М.: Политиздат, 1977. — С. 123.

реальность (культура), не позволяющая уподобить многие явления социального мира вещам. В ней можно быть ученым не тогда, когда анализируешь социальные факты как вещи, а когда включаешь объекта исследования мнения людей, их ценности, процессуальность.

Культур-центристская стратегия устанавливает концептуальные границы объяснения и вводит принцип *понимания* в качестве ведущего методологического средства. Открытие культуры как особой реальности не разрывает связей человека с природой. Это — одна из причин, по которой культур-центристская исследовательская программа не упраздняет натуралистическую программу. Последняя может распространяться и на такой объект изучения, как сама культура, если берет конкретную задачу, решение которой не требует процессуального подхода. Абстрактный индивид есть продукт натуралистической редукции культуры. И часто обращение к натуралистической программе при исследовании почти любых объектов чревато отказом от исследования процессуального характера, уже вошедшего в характеристики рассматриваемого предмета.

Первоначально культур-центристская программа формировалась только применительно к обществознанию. Она, по существу, указала на границы натуралистической программы. Обе программы, однако, могут быть направлены на изучение одного и того же объекта, но превращают они его в свой предмет в соответствии со своей методологией. Первая призывает верить в незнающую исключений объективную закономерность, вторая — в изменчивость человеческого духа и предметной среды. Попытки создания дисциплинарных программ, как правило, характеризуются тяготением к одной из названных. Эти две программы следует признать базовыми в методологии обществознания. Они являются системообразующими факторами обществознания, определяющими видение его специфики и методов, и относятся к большинству дисциплин как в сфере общественных наук, так в естествознании.

Переход от натуралистической исследовательской программы к культур-центристской, от объектности к процессуальности произошел во многих науках. Это стало мировоззренческим явлением, учитывающим идентичность людей и предметов познания во многих других науках¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸ См.: Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г. Федотова. — М.: ИФ РАН, 2008. — С. 3-95; Тросби Д. Экономика и культура. — М., 2013. — С. 38-69; Найт Ф. Экономика и человеческая деятельность // Философия экономики: Антология. — М., 2012. — С. 124-133; Зингалес Л. Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики. — М.: Издательство Института Гайдара, 2016. — 368 с.; Бегельсдайс Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке. — М., СПб.: Издательство Института Гайдара, 2016 и др.

Сегодня закономерность такого перехода осознается в социальной антропологии и этнологии, что отчетливо проявилось на заседании секции Научного совета РАН по проблемам этничности и междисциплинарных отношений (19 декабря 2017 г.) в докладах В.А. Тишкова, Л.М. Дробужековой, И.С. Семененко, Д.А. Функа и других. В докладе последнего было афористически высказано, что «социальное конструирование реальности — это превращение любой системы в социально признанную в качестве реальности». Это — интерпретация теоремы В. Томаса: если нечто принято за реальность, оно реально в своих последствиях. И это возможно только в культур-центристской, а не в натуралистической программе, ибо первая отличается процессуальностью и направленностью на самодвижение, изменение, фиксацию меняющихся тенденций, т.е. имеет дело с процессами, а не с объектами или предметами, находящимися в статике. Как отмечает В.А. Тишков, речь идет о трактовке предмета науки (социальной антропологии и этнологии), которая зависит от избранной парадигмы исследования или в целом от выбора исследовательской программы, в данном случае, — натуралистической или культур-центристской.

Мы не исключаем, что натуралистическая программа в определенных случаях может оказаться познавательной значимой, но она не может быть исчерпывающей. В динамичном мире она уступает эвристическим возможностям культур-центристской программы. Еще лучше, когда они работают вместе. Первые идеи интегративного подхода были предложены П. Бергером и Н. Лукманом. Но сегодня изменения в методологии коснулись многих дисциплин, формирование идентичностей и конструктивистская природа познания вышли на передний уровень.

Новый опыт исследований в социальной антропологии и этнологии. Переход от этноса к этничности состоит в появлении процессуальности и изменении основ прежней этнографии, превращающих её теперь социокультурной антропологией и этнологией (В.А. Тишков).

Примордиальные трактовки этничности путем сведения проблемы к анализу этноса и его исследования как некой константы, определяемой его наличными свойствами, сегодня во многом устарели из-за отсутствия конструктивных действий, отсутствия учета роли конструктивистской парадигмы, которая исходит из понимания этноса как процесса этничности и практики, формируемых в ходе исследования. Академик В.А. Тишков убедительно рассмотрел недостатки примордиалистских, натуралистических по сути подходов, сводящих сложные социальные процессы, в т.ч. этничности, к примордиальным заданным сущностям. Он пишет: «За последние четверть века внутри дисциплины произошли значимые и неоднозначные перемены. Переход от этноса к этничности и даже выход за

пределы этничности позволили обрести новую предметную область, определяемую как антропология и этнология. Речь идет не столько о физической, сколько о социально-культурной антропологии, которой в начале 1990-х годов в нашей науке не было. Этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте»¹⁸⁹.

В.А. Тишков отмечает, что после 1991 г. общественные и гуманитарные науки в России пережили драматический переход от этноса к этничности, т.е. от натурализма, свойственного теории этноса, к конструктивистской интерпретации и далее — к этничности как идентичности. Осуществляется переход от примордиальности к социальному конструированию реальности в разных областях исследования общества, в частности, в социальной антропологии и этнологии. Важно отметить, что — это случай общей тенденции перехода от натурализма к культур-центризму, от статичного видения к процессуальному. Причем, он присущ не только социальной антропологии и даже не только гуманитарным наукам или наукам об обществе, но и наукам о природе, о чем свидетельствует быстрое развитие синергетики, теории динамического хаоса и пр. Это хорошо показано в работах И. Пригожина, В.С. Степина, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Е.Н. Князевой и др. Подобный общий тренд коснулся почти всех научных дисциплин, которые перестали понимать предмет своего исследования исключительно как устойчивый объект и обратились к проблеме процессуальности.

Дальнейшая судьба натуралистической исследовательской программы (на примере дисциплины «Социальная антропология и этнология»). В.А. Тишков показал, что «этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями (курсив наш. — В.Ф.) до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности. Разрыв с позитивистским группизмом был одним из наиболее существенных моментов в этнологических новациях. Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве, а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы»¹⁹⁰.

По мнению В.А. Тишкова, существуют дисциплинарные отличия исследователей этничности и идентичности. Но эти дисциплинарные грани-

---

¹⁸⁹ Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 5. — С. 6.

¹⁹⁰ Там же. — С. 9.

цы, кроме других особенностей, отличаются степенью генерализации. Их коррелированность подтверждается сходными с изменениями этничности изменениями идентичности. Так, В.А. Тишков ссылается на Н.Н. Федотову, раскрывшую процессуальный характер идентичности, вполне применимый для анализа динамики и сходной с ней этничности, хотя предметность ее описания ближе к социологической. Примером может служить методологическое единство ситуаций анализа этничности как процесса и идентичности в ее процессуальном значении¹⁹¹.

Под динамикой идентичности Н.Н. Федотова предлагает понимать изменение идентичности под влиянием факторов, меняющих ее в некотором диапазоне своих свойств, в некотором континууме, сохраняющем её базовые свойства. Она показывает, что в «быстро трансформирующемся, неравномерно развивающемся, полном рисков и кризисов современном обществе возникает необходимость изучения именно *динамики* идентичности. *Идентичность оказалась включенной в динамику современного нелинейного развития, и сама подвержена действию фактора нелинейности*¹⁹². С таких же позиций идентичность трактуется в энциклопедическом издании «Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание»¹⁹³.

Философ и политолог С. Бенхабиб рассмотрела «притязания культуры» на участие в политических процессах, утверждая необходимость учета культурной идентичности взаимодействующих сторон, принимая во внимание её сложность и разнообразие, отказываясь от натуралистического «группизма». Она показала, что, в отличие от бюрократического «анкетирования» акторов процесса по отдельным признакам, выступает за демократизацию и повышение роли культурных идентичностей как сложных образований, называя это «постнациональным, эгалитарным, демократическим видением модернистских культурных перспектив»¹⁹⁴.

Для философа, коим я профессионально являюсь, ближе контекстуальное рассмотрение этничности, идентичности, связанное с выделением крупных эпох. В моих книгах — это первый, второй и третий модерн,

---

¹⁹¹ См.: *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования». — М.: Культурная революция, 2012 — 200 с.

¹⁹² *Федотова Н.Н.* Динамика идентичности // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семенов. — М.: Весь мир, 2017. — С. 287.

¹⁹³ См.: Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. — М.: Весь мир, 2017. — 992 с.

¹⁹⁴ *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М.: Логос, 2003. — С. 96.

отличающиеся способами существования и методами анализа этничности, национальности, идентичности плюс увеличение роли культур-центристской программы, т.е. отличием мировоззренческих комплексов, состоящем в натурализме одних из них и культур-центризме и процессуальности — других.

Как верно отмечает В.А. Тишков, «речь в представляемой им дисциплине — антропологии и этнологии идет о трактовке предмета науки, которая зависит от избранной парадигмы исследования»¹⁹⁵ или, на наш взгляд, в целом от выбора исследовательской программы — натуралистической или культур-центристской. Первая трактует предмет науки как данный, вторая — как добываемый в ходе текущих его изменений и изучений.

Следует отметить, что это — не единственный способ философского осмысления проблем методологии. Имеются работы, где проблемы этничности и национальности рассматриваются в историко-философском контекст. Философский интерес распространяется на проблемы этничности и в их связи с социальными изменениями, где исследуется то, как реальность продуцирует новые теоретические ходы (например, усложнившаяся реальность сопровождается появлением культурных, этнических и пр. гибридов). Или, напротив, теоретические ходы конструируют новую реальность (политика коренизации народов в 1920-1930-е гг.).

Философия учитывает также парадигмальные сдвиги — от эссенциализма к конструктивизму, от индивидуализма к группизму, от нациестроительства к построению национального государства, от национального дискурса к постнациональному дискурсу, и обратно. Я согласна с Л.М. Дробижевой в том, что позитивная этническая идентичность не препятствует гражданской идентификации. И это важно учитывать философу, о каком бы типе общества речь не шла — традиционном, современном или постсовременном, обществе «третьего» модерна (П. Вагнер, В.Г. Федотова), обществе рефлексивного модерна (Э. Гидденс, У. Бек), обществе текучего модерна (З. Бауман).

Я разделяю мысль британско-американского историка, социолога и политолога П. Андерсона, для которого названные мною параметры имеют большое значение. Он пишет: «...Быть современным — это найти нас в среде, которая обещает нам приключение, власть, удовольствие, рост, трансформацию себя и мира — и, в тоже самое время, что угрожает разрушить все то, что мы имеем, все то, что мы знаем, все то, чем мы являемся. Современные контексты и опыт пересекают все границы географии и эт-

---

¹⁹⁵ Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 5. — С. 6.

ничности, класса и национальности, религии и идеологии: в этом смысле современность можно назвать объединяющей человечество. Но это парадоксальное единство — единство в разнообразии...»¹⁹⁶.

Философия занимается анализом условий кросскультурного диалога, но не может справиться с этими альтернативами, являющимися приметой времени. Как показал В.А. Тишков, этничность *переплетается с другими коллективными свойствами*, причем до такой степени, что само понятие группы как социальной и даже социологической целостности перестает существовать. Разрыв с позитивистским группизмом, (как и вообще с натуралистической исследовательской программой) — не только крупнейшая этнологическая инновация, но инновация для всей системы наук и системы мировоззрения.

Такая инновация указывает на дрейф идентичности. «Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс — это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности»¹⁹⁷. И далее — «этническая идентичность это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это — всегда борьба за контроль за данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы». Например, меняющийся список этносов, предлагаемый при переписи населения государством, модифицирует этническую идентичность.

«Концепт дрейфа этничности — изменчивость народов, культур и персональной идентичности представляется обыденностью, а не отклонением, в котором смена традиций рассматривается как своего рода традиция. В этом измерении понятие “этничность” не только удобнее “этноса”, но и отлично от него, поскольку обозначает сущность динамичного явления, а не его статичный образ. “Этносы” могут появляться и исчезать по воле правителей или ученых, тогда как “этничность” остается естественным и устойчивым свойством человека. Каждая этноистория — бесконечная череда перерождений, каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то по-новому»¹⁹⁸.

Культурные повороты. Сегодня важной проблемой методологии науки является вклад философии в формирование методологии исследова-

---

¹⁹⁶ Anderson P. Modernity and Revolution // *New Left Review*. — 1984. — №1/144. — P. 97 (96-113).

¹⁹⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2003. — С. 120-123.

¹⁹⁸ Головин А.В. Дрейф этничности // *Уральский исторический вестник*. — № 4 (25). — 2009. — С. 46-55.

ния. Мы далеко ушли от идеологических оценок философского знания в качестве буржуазного или социалистического, и это был значительный «поворот», который способствовал развитию философского знания в России. Словом, и сегодня термин «поворот» открывает многообразие возможных изменений, среди которых следует выделить инновационный, методологический поворот к практике (немецкий исследователь Г. Бонгерте¹⁹⁹). В этой связи исключительно интересной является книга Д. Бахманн-Медик «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре»²⁰⁰.

В отличие от многообразия возможных «поворотов», например, гуманистического, инновационного, парадигмального, ресурсного, многовекторного и др., к которым обращались исследователи, Бахманн-Медик ищет возможности изменения направления мысли, что позволяет ей сформулировать новые направления: интерпретативный, перформативный, рефлексивный/литературный, постколониальный, переводческий, пространственный и иконический повороты.

Как пишет Бахманн-Медик, «для концептуализации культурологических “поворотов”, прежде всего, решительно важно, что толчок им дала принципиальная переориентация на “культуру” (культурный поворот), благодаря чему они упразднили сциентистские, зачастую позитивистские и экономические толкования социального... Язык и текст были осознаны как формообразующие и движущие силы социального действия и на уровне теории раскрыты в свойственной им двуликости: сначала в культурно-семиотическом плане «культуры как текста», затем в направлении... «культуры как текстуры социального»²⁰¹.

Вместе с тем, я в своей программе ставлю пункт о дальнейшей судьбе натуралистической программы в том смысле, что натурализм может стать не только программой науки, но и практикой отношения к природе, обещающей человечество.

Мегатренды Дж. Нейсбита для США и китайские мегатренды. Огромный вклад в развитие культур-центристской программы внес Дж. Нейсбит — американский футуролог и философ. В 1982 г. он опубликовал свою книгу «Мегатренды». В 1984 г. книга была вновь переиздана в США. Она

---

¹⁹⁹ Бонгерте Г. Социальная практика и поведение. Размышления о повороте к практике в социальной теории // Социологический ежегодник: Сборник научных трудов. — М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам; кафедра общей социологии государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. — С. 107-113

²⁰⁰ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2017. — 502 с.

²⁰¹ Там же. — С. 14.

получила огромную известность и популярность в мире. В ней он наметил переходы обществ из предшествующих состояний в новые. И это относилось, прежде всего, к США и западным странам. В книге «Мегатренды. Десять новых тенденций, трансформирующих наши жизни» Нейсбит раскрывает их следующим образом:

1. От индустриального общества к информационному;
2. От форсированной технологии к балансу высокой технологии и душевного комфорта;
3. От национальной экономики к мировой экономике;
4. От краткосрочности к долговременности;
5. От централизации к децентрализации;
6. От помощи со стороны институтов к самопомощи;
7. От представительной демократии к партисипаторной (демократии участия);
8. От иерархий к сетевым структурам;
9. От Севера к Югу;
10. От «или – или» к множественному выбору²⁰².

Эту схему можно трактовать как вариант культур-центристской исследовательской программы, ибо в ней обозначен подход, характеризующий большие возможности анализа динамики современных процессов и его актуальность, особенно в сравнении с натуралистической программой исследования. Нейсбит демонстрирует многообразие реакций на культурную разнородность. Его книга в течение двух лет сохраняла статус бестселлера «Нью-Йорк Таймс».

Он посещал Китай много раз, начиная с 1967 г. После выхода его «Мегатрендов» в 1982 г., в Китае было продано 20 млн. экземпляров этой книги, переведенной на китайский язык. Она многократно переиздавались. Нейсбит сказал своему китайскому другу на Западе, что Тайвань выглядит более интересно, чем Китай, но именно Китай стал предметом его подлинного интереса и выработки вех его современного развития.

В 1992 г. Нейсбит, часто бывающий в Китае, был приглашен на частную встречу с председателем КНР Цзян Цзэмином, где китайский лидер выразил особый интерес к идее мегатрендов. Первые слова, которые председатель КНР сказал Нейсбиту, были предложением написать о мегатрендах в Китае. В электронном письме через несколько дней после встречи китайский лидер написал Нейсбиту: «Есть много книг о прошлом Китая и новом подъеме, о политическом, экономическом и культурном будущем. Но нам, прежде всего, необходим анализ, наподобие того, кото-

---

²⁰² См.: Naisbit J. *Ten New Directions Transforming Our Lives*. – N.Y.: New York Times, 1982.

рый содержался в Ваших «Мегатрендах». Далеко даже не всем китайцам известно, что происходит в Китае и куда движется страна. Почему бы Вам не проанализировать мегатренды Китая и не написать об этом?»²⁰³. Проблема этничности и идентичности являлась в этих предложениях решающей. Была поставлена задача увидеть страну глазами самих китайцев. Но Нейсбит не сразу принял предложение, считая себя не готовым, и вернулся к нему только через десятилетие.

Методологию исследования китайских мегатрендов Нейсбит описывает следующим образом: «...Во-первых, самое важное, нужно фиксировать исключительно факты, реальные события — никаких планов, никаких деклараций. Во-вторых, нельзя руководствоваться заранее фиксированными шаблонами: любая структура определенным образом ориентирует исследование, а, значит, мы рискуем пропустить то, что надеялись отыскать, то, чего мы не знаем, что нас поразит. Наконец, третья задача состояла в том, чтобы собрать и перевести статьи из китайских СМИ, создав таким образом базу данных»²⁰⁴.

В мае 2009 г. вышла книга супругов Нейсбит «Китайские мегатренды». Главным в ней было смотреть на Китай глазами китайцев, т.е. показать, как они сами воспринимают Китай. Супруги Нейсбит описывают семь столпов, обеспечивших прогресс и перспективы Китая:

1. Освобождение разума: разрешение отстаивать собственные взгляды по вопросу о пути развития Китая. Ставилась задача — подхватить инициативу снизу, а такие инициативы уже были (хорошая идея вовремя, у свободы много лиц, от мясного скота к дойным коровам).

2. Баланс векторов «сверху вниз» и «снизу вверх».

3. Высаживание деревьев: «пусть растут леса» (новые структуры, цели, гибкие структуры, особые экономические зоны).

4. Вброд через реку, нащупывая камни (не жесткие приказы, а наилучшие варианты, успешная производительность китайцев в США).

5. Художественная и интеллектуальная политика (художники и интеллектуалы во главе перемен).

6. Присоединение к миру — агрессивное встраивание в мировые тренды.

7. Свобода и справедливость (экономически возможное и социально желательное).

8. От олимпийского золота к нобелевским премиям

---

²⁰³ Нейсбит Дж. Новая система на подъеме // Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. — М.: Астрель, 2012. — С. 9.

²⁰⁴ Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. — М.: Астрель, 2012. — С. 10.

Сегодня эти мегатренды работают в Китае. Они были открыты супругами Нейсбит совместно с 28 студентами и аспирантами двух китайских университетов и китайских консультантов — предпринимателей и ученых. Результаты команды Нейсбита и сейчас применяются в Китае. Трудно представить, чтобы маленький коллектив во главе с супругами Нейсбит так быстро справился с задачей. Возможно, Нейсбиты долго готовились к ее решению, к пониманию китайской культуры и образа жизни. Им удалось довести, доконструировать известные им особенности китайской жизни до тенденций, в которых китайский характер нашел себя. Серьезными фактами, способствующими нахождению тенденций, стали китайский прагматизм, духовная жизнь, не противопоставляемая практической и ряд других свойств китайского народа, процессуальный характер выстраиваемой ими этничности.

Таким образом, идеи супругов Нейсбит работают в Китае, и это — не просто проявление китайского прагматизма, но и гораздо большей культурной гомогенности Китая в сравнении с другими странами. Часть общепринятого представления о культуре в Китае относится не только к идеям о том, как устроен мир, что принято за данность и что кажется почти естественным.

Россия нуждается в подобной работе, а наши мегатренды нуждаются в своём Нейсбите, даже если это будет российский Нейсбит или группа междисциплинарных специалистов. Особую роль в этом может сыграть исследовательская группа философов, социальных антропологов и этнологов, ибо она в наибольшей мере имеет своей задачей исследование повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. В поисках новой рациональности: опыт типологической характеристики некоторых тенденций современного буржуазного сознания // Вопросы философии. — 1981. — № 3. — С. 143-156.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2017. — 502 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М.: Логос, 2003. — 350 с.
4. Бонертс Г. Социальная практика и поведение. Размышления о повороте к практике в социальной теории // Социологический ежегодник. Сборник научных трудов. — М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам; кафедра общей социологии государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. — С. 107-113.
5. Гайденок П.П. Эволюция понятия наука. — М., 1980. — 568 с.
6. Головинёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 4 (25). — С. 46-55.
7. Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазного сознания // Философия и наука. — М.: Наука, 1972. — 424 с.

8. Межуев В.М. Культура и история. — М.: Политиздат, 1977. — 199 с.
9. Нейсбит Дж. Новая система на подъеме // Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. — М.: Астрель, 2012. — 320 с.
10. Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. — М.: Астрель, 2012. — 320 с.
11. Неретина С., Огурцов А. Онтология процесса: процесс и время. — Монография. — М.: Голос, 2014. — 724 с.
12. Новая философская энциклопедия в 4-х томах / Научно.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1-4. — 2659 с. (2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1-4. — 2816 с.).
13. Резник Ю.М., Смирнов А.В. Философия в поисках смысла: рефлексия иного и инаковости // Личность. Культура. Общество. — 2018. — Том XX. — Вып. 3-4 (99-100). — С. 267-285.
14. Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 5. — С 5-22.
15. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
16. Федотова Н.Н. Динамика идентичности // Идентичность. Личность. Общество. Политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. чл.-корр. РАН И.С. Семенов. — М.: Весь мир, 2017. — 992 с.
17. Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования». — М.: Культурная революция, 2012. — 200 с.
18. Anderson P. Modernity and Revolution // *New Left Review*. — 1984. — № 1/144. — P.96-113.
19. Naisbit J. *Ten New Directions Transforming Our Lives*. — N.Y.: New York Times, 1982. — 290 pp.

BIBLIOGRAPHY

1. Avtonomova N.S. V poiskakh novoy ratsionalnosti: opyt tipologicheskoy kharakteristiki nekotorykh tendentsiy sovremennogo burzhuznogo soznaniya // *Voprosy filosofii*. — 1981. — № 3. — S. 143-156.
2. Bakhmann-Medik D. Kulturnye povoroty. Noveye orientiry v naukach o kulture. — М.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. — 502 s.
3. Benkhabib S. Prityazaniya kultury. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnuyu eru. — М.: Logos, 2003. — 350 s.
4. Bongerts G. Sotsialnaya praktika i povedenie. Razmyshleniya o povorote k praktike v sotsialnoy teorii // *Sotsiologicheskii ezhegodnik. Sbornik nauchnykh trudov*. — М.: Rossiyskaya akademiya nauk. Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam; kafedra obshchey sotsiologii gosudarstvennogo universiteta — Vysshey shkoly ekonomiki, 2009. — S. 107-113.
5. Gaydenko P.P. Evolyutsiya ponyatiya nauka. — М., 1980. — 568 s.
6. Golovnev A.V. Dreyf etnichnosti // *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. — 2009. — № 4 (25). — S. 46-55.
7. Klassika i sovremennost: Dve epokhi v razvitiy burzhuznogo soznaniya // *Filosofiya i nauka*. — М., 1972. — S. 28-94.
8. Mezhuев V.M. Kultura i istoriya. — М.: Politizdat, 1977. — 199 s.
9. Neysbit Dzh. Novaya sistema na podeme // Neysbit Dzh., Neysbit D. Kitayskie megatrendy. 8 stolpov novogo obshchestva. — М.: Astrel, 2012. — 320 s.
10. Neysbit Dzh., Neysbit D. Kitayskie megatrendy. 8 stolpov novogo obshchestva. — М.: Astrel, 2012. — 320 s.
11. Neretina S., Ogurtsov A. Ontologiya protsesssa: protsess i vremya. — Monografiya. — М.: Golos, 2014. — 724 s.

12. Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh tomakh / Nauchno.-red. sovet: V.S. Stepin, A.A. Guseynov, G. Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov. – М.: Mysl, 2000. – Т. 1-4. – 2659 s. (2-e izd., ispr. i dopol. – М.: Mysl, 2010. – Т. 1-4. – 2816 s.).
13. Reznik Yu.M., Smirnov A.V. Filosofiya v poiskakh smysla: refleksiya inogo i inakovosti // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2018. – Tom XX. – Vyp. 3-4 (99-100). – S. 267-285.
14. Tishkov V.A. Ot etnosa k etnichnosti i posle // Etnograficheskoe obozrenie. – 2016. – № 5. – S 5-22.
15. Tishkov V.A. Rekvem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii. In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya. – М.: Nauka, 2003. – 544 s.
16. Fedotova N.N. Dinamika identichnosti // Identichnost. Lichnost. Obshchestvo. Politika: Entsiklopedicheskoe izdanie / Otv. red. chl.-korr. RAN I.S. Semenenko. – М.: Ves mir, 2017. – 992 s.
17. Fedotova N.N. Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovaniya». – М.: Kulturnaya revolyutsiya, 2012. – 200 s.
18. Anderson P. Modernity and Revolution // New Left Review. – 1984. – № 1/144. – P. 96-113.
19. Naisbit J. Ten New Directions Transforming Our Lives. – N.Y.: New York Times, 1982.

Поступила в редакцию 17.07.2019 г.